

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

16.10.2015

№10 (55) Октябрь 2015 года

- Пропитаны Родиной
Маргарита Петрова,
Андреаполь

СКАМЕЕЧКИ

Нет у домов скамеечек в Европах,
Их назначения немцам не понять:
Души своей серёдочку подштопать,
Почувствовать общенья благодать.

Здесь бабушки блаженствуют в дозоре,
С гитарой на минуточку юнец
Присядет и застрянет в разговоре
О приворотах девичьих сердец.

Тут судьбы государств подчас вершатся,
Пророчества записывать бы здесь.
На годы курс страны узнаешь вкратце
И из Кремля услышишь первым весть.

Ах, лавочки-скамеечки родные.
Присядь на миг, подумай не спеша.
Здесь так видна особенность России:
Доверчивая русская душа.

Наталья Шабанова,
Андреаполь

АВГУСТ

Август звёзды рассыпал в росах,
Задремал на пшеничных нивах,
Заблудился в душистых флоксах,
Георгинах неповторимых.
Паутинкой заплёлся в травах,
У речушек залёг туманом,
Запылал золотыми зарницами
За безмолвным седым курганом.
Хмурой рябью по водной глади
Прошмыгнул и в камыш забился.
И брусничною спелой сопкой
Зарумянился весь, засветился.
Головёнками рыжих лисичек
Закивал грибникам у опушек,
Разбежался он по полянам
Чередой румяных волнушек.
Тонконогим подсолнухом взмылся,
До небес дотянуться желая,
И за тучку слегка зацепился,
Слёзы грусти на землю роняя.
Август звёзды купает в росах
И медовым радует Спасом.
Тёплым хлебом он пахнет и лесом
И свекольно-малиновым квасом!

Татьяна Лапко,
Андреаполь – В. Луки

* * *

Здравствуйте, берёзоньки, подружки,
Я, любуясь на июльский свет,
Наполняю чаем наши кружки,
Ясно зная, что красивей нет
Зореньки моей, в далёких даях
Что сияет радугой любви,
Прогоняя прочь мои печали,
Чтобы все мы были не одни.
Не одни, когда рождаются дети,
Не одни – гроза идёт когда,
Не одни – когда на белом свете,
Светит нам счастливая звезда.

Артём Сидой,
Белый – Москва

Вы пропитаны Родиной,

как

и

я.

в ней все глубже тонете

день

ото

дня,

В её стройных строениях
панельных домищ,
состоящих из звеньев
оконных кострищ.
В синеве полотенца-неба,
обмотавшего горизонт.
В зачерствелости хлеба,
что кидают в загон
обесшеченных улиц
одичавшим собакам,
И в словах, что бормочет безумец,
копошащийся в мусорном баке.
И в солёности порта Находка –
космодрома фрегатов и лодок.
и в бескрайних лесах Зауралья,
где огонь поднимает знамя,
И брусчатности Ленинграда –
несомненно, все это нам...

НАДО!

Нет, даже необходимо.
Остаёмся людьми мы,
усвоив одно
(здесь нет никакой необычности,
всё чётко определено):

БЕЗ РОДИНЫ

НЕТ

ЛИЧНОСТИ!

- Размышления о прочитанном

МОЛЧАНИЕ СОЛДАТ

Поэтам случается иногда побывать на войне. И тогда могут родиться, как симоновское «Жди меня», строчки, интересные нескольким поколениям, строчки, по которым мы узнаём войну надёжнее, чем по выверенным донесениям опогоненных верхов.

Люблю я тоже тишину,
семью и дом... Поверьте:
я б лучше обнимал жену,
чем тело спелой смерти.
Но если лада нет в дому
твоей страны отныне,
то лучше потонуть в дыму
в горах или в долине.
Там мёртвого врага оскал,
там кровь из раны брызнет!
Себе я счастья не искал
в поруганной отчизне.
Что счастье? Призрак слабаков
в разливе вражьей злобы.
Из-под кисейных облаков
летят на души бомбы!

Это «Песнь добровольца» дмитровчанина Александра Горшенкова, человека абсолютно гражданской наружности, проведшего свою солдатскую службу на афганской войне. Потом был Литературный институт имени Горького и несколько книг, но и в лирическом сборнике «Только лучшее» (2012 г.) с прискорбно малым тиражом 150 экземпляров (читатель догадывается, почему) мы продолжаем находить её мужское, поэтическое, гражданское осмысление.

Кто бежит от войны, всё равно попадает в неё,
всё равно наточила она на него лезвиё.
Если юною ведьмой сразится с отважным бойцом,
к дезертиру она обернётся беззубым лицом.
Изведёт его страхом и водочной мёртвой водой,
одиночеством, хворью и горькой внезапной бедой.
Если воин спокойно лежит на её берегу,
дезертир улыбается бледной улыбкой врагу.
Он обходит опасность и в бой не пойдёт нипочём,
но по-прежнему смерть нависает над слабым плечом.
Кто бежит от войны, от неё не сбежит никогда.
Не взойдя, отсверкает его боевая звезда.

Возвращаясь с войны (печально, что это происходит не с каждым), поэты остаются поэтами. То есть людьми рефлексирующими – и не всегда только по формальным литературным законам.

Ты – дома. Но, придя, ты не ушёл оттуда,
где автоматный треск распарывает глушь,
где плавится в песках полдневная полуда
и стынет в ледниках бесстрастный Гиндукуш.
Ведь ты теперь чужой, ты выбился из круга,
а жизнь ушла вперёд, как ты там ни крути, –
в театре шёл концерт, в пивной висела ругань,
и шёпот новобрачной прикивал к груди.
Не тех взыскуешь душ, не в те стучишься двери,
ты весел, в гости вхож, но, знаешь, дело – швах.
Улыбка на лице. Но стоек привкус смерти
затяжкой анаши на стынущих губах.
А тут порой Афган до мелочи, до буден
стремятся обкатать, чтоб как речной гольш...
Казённый чёрный труд не чёрен им, не труден,
а ты ушёл на дно, и помнишь, и молчишь.
В парадных словесах теперь ты вечный неуч.

(продолжение на стр. 3).

(начало на стр. 2).

И хочется порой куда-то далеко,
где ласточки полёт перед грозой бреющ,
а по утрам туман – парное молоко.
Но ты уже ушёл из вековечной рани,
и воротник поднял, и зябнешь на ветру,
лишь гулом всех надежд и даром всех стараний
предутреннюю ты берёшь себе звезду.

Как всякий скромный человек, А. Горшенков не избалован критиками. Не потому ли, что
Впаяли нам образ парней из стали
и рот заткнули. Тишь, благодать...
Мы поколением так и не стали.
а ведь могли, чёрт возьми,
могли им стать!

Но, как безрадостно заметил другой поэт и тоже член Союза писателей, москвич Евгений Артюхов,
Ни одно в России поколеньё
Со своей войной не разошлось.

Помилуйте, уж не бунт ли это? Свои «стихи мутного времени» Е. Артюхов, полковник внутренних войск в отставке, участник нескольких «горячих точек» (читай: войны на собственной территории) собрал под обложкой сборника «Камуфлированная страна» (2014). Заглядываем внутрь и тут же натываемся на печально известный сюжет: «Баллада о высоте 776,0»:

Есть много тёмных пятен у войны,
и разглядеть их с правой стороны
не так-то просто. Укажи – где правый.
В чеченской необъявленной войне,
как в омуте, на самой глубине,
ищи-свищи исток её кровавый.
Но, видимо, когда осядет муть,
нам всё-таки удастся заглянуть
на щедро обгаренные высоты.
И там
Семьсот семьдесят шесть, ноль –
навек не утихающая боль
и обелиск шестой десантной роты.
Мы правды не узнаем никогда:
как так – ломилась целая орда,
а с нею в бой вступила только рота?
Кто сговорился «духов» пропустить?..
Мы знаем, кто их взялся угостить
и накормил свинцом до смертной рвоты.
Пусть журналисты что-то приплели,
пускай приврали с короб, где могли,
красивые насочиняли речи, –

не ведали они февральский ад.
А выжившие – знают и молчат.
И пусть молчат, коль так живётся легче.
Погибшие взирают с высоты.
Им всё едино - звёзды ли, кресты,
лежат цветы или одна дернина.
Но нам-то с вами разве всё равно?
Трёхцветное покрытие полотно.
Встал обелиск.
И всё?
И паутина?
Луна над древним Псковом возжена,
на старый кремль нисходит тишина,
река Великая не спит в низине.
Давным-давно отгромычал салют.
Лишь стропы парашютные поют,
поют о тех, кто вечно на вершине:
«Высота Семьсот семьдесят шесть, ноль –
твоя и моя боль.
Твоя и моя боль.
Твоя и моя боль...»

По-разному можно отражать свет, по-разному создавать тень на поэтическом полотне. По-разному вычленяют художники слова и самое существенное из копилки своей взрослой боли. Вот «Реквием по АПЛ «Курск»:

На стометровой глубине
лежал немой укор стране.
Там с тайной думою о чуде
в чаду и ледяной воде
противились своей беде
в живых оставшиеся люди.
Как жаль, что не хватило рук,
чтоб аварийный сдвинуть люк,
но ещё большая досада –
что Родины слаба рука

и ей не то что моряка,
себя не вызволить из ада.
А что в осадке?
Донный ил,
разводы следственных чернил,
Звезда Героя командиру,
жильё заплаканной вдове,
кресты посмертные братве
и сказки западному миру.

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 2-3).

Но вернёмся к осмыслению боевым полковником и патриотом войны. Настоящей войны с её требующими серьёзных раздумий последствиями. Памяти Игоря Калинина посвящены строки стихотворения «Синдром»:

С войны, не признанной войною,
он возвратился не вполне.
Как не было в душе покоя,
так мира не было в стране.
Вокруг мелькали те же лица,
что видел он в прицел не раз.
Но не чеченская столица
ему являлась в этот час.
И вот, махнув рукой на льготы,
внеконкурсный проход в МГИМО,
он стал на даче строить доты
и замуровывать окно...

Внимательный читатель, возможно, заметит некоторую общность сюжетных линий. Что ж, общий опыт обяывает. Обязывает и деятельное равнодушие патриотов – не на показ, а, так сказать, для внутреннего пользования. Без оппозиционных кличей непременно выйти на площадь, но не без откровенного диалога с соотечественником о самом главном.

В разные годы оба поэта вели поэтический мастер-класс на «Каблуковской радуге» – ежегодном празднике поэзии на тверской земле. И в этом факте при желании тоже можно усмотреть некоторую общность, хотя бы корпоративную.

Татьяна Михайлова
г. Тверь

На снимках: Т. Михайлова и А. Горшенков; Е. Артюхов.

• Личное мнение

ДРАКУЛА И ПОКЛОННИКИ?

Оторопь и недоумение вызвала статья Владимира Нордвика «Ион Деген: а вечером учил меня водитель, как правильно танцуют падеспань...», опубликованная в майском 2015 г. номере российского исторического журнала «Родина», посвящённого 70-летию Великой Победы (стр.20-25). Герой статьи – фронтовик и автор стихотворения «Мой товарищ, в смертельной агонии...» – стал героем и документального фильма Михаила Дегтяря, премьеры которого состоялась в Московском центре толерантности.

Именно стихотворение, названное в статье легендарным и, по сути, народным и заставило меня взяться за перо. Приведу его (всего восемь строчек) целиком: «Мой товарищ, в смертельной агонии не зови понапрасну друзей. Дай-ка лучше согрею ладони я над дымящейся кровью твоей. Ты не плачь, не стони, ты не маленький, ты не ранен, ты просто убит. Дай на память сниму с тебя валенки. Нам ещё наступать предстоит».

Прочитали? Вдумались? Волосы дыбом от ужаса не встали? Лирический герой стихотворения (надеюсь, не автор?) вместо того, чтобы перевязывать пусть даже смертельно раненого, но живого (плачет же! стонет!) товарища, греет над его дымящейся кровью руки. Вместо слов ободрения и поддержки (мол, мы ещё на твоей свадьбе попляшем, и я на ней свои стихи почитаю) добивает товарища духовно, уверяя его, что он не ранен, а убит. И в довершение снимает с ещё живого боевого товарища валенки, добивая его физически (не умрёт от потери крови, так замёрзнет). Это не «легендарное народное» стихотворение, а праздничная песнь Дракулы и мародёра. Впрочем, Дракула, пожалуй, отдыхает.

К счастью, рядом с моим отцом в момент его последнего, пятого по счёту за две войны (финскую и Отечественную) ранения в 1944 году (пулей или осколком вынесло глаз вместе с височной костью) оказались нормальные люди, не гревшие руки над его дымящейся кровью и не снимавшие с него обмундирования, пользуясь его беспомощным состоянием. В результате после длительного лечения он в 1945 году вернулся домой. И к двум довоенным дочерям в семье прибавилось три послевоенных сына.

Не хотелось бы обижать ветерана недоверием, но слишком уж невероятными кажутся некоторые эпизоды боевой жизни всего лишь лейтенанта: а) не просто самовольная, а вопреки приказу поддержка боевых действий польской Армии Крайовой в Вильнюсе; б) 60-километровый марш-бросок одного танка от линии фронта до окраины Кенигсберга за два с половиной месяца до начала его штурма нашими войсками. Здесь уже и барон Мюнхгаузен отдыхает. Создаётся впечатление, что для Иона Дегена совершить очередной подвиг не труднее, чем обмочить два пальца.

Бог с ними, с «подвигами», но восхищаться вышеприведенным стихотворением, называть его легендарным и народным могут, по моему мнению, только полностью лишённые нравственных ориентиров люди. Неужели редакция журнала «Родина» разделяет их «ценности»?

Александр Мальчуков, Андреаполь

• Великая сила искусства

Глазами Холстомера

По складу ума и характера я не гуманитарий, склонности всегда имел математическо-технические. Но читал много, наряду с научной литературой и публицистикой художественные произведения прочитывались мною с живым любопытством, как классика, так и литературные новинки, которые обсуждались широкой публикой. Всякий раз, когда выпадала возможность, бывал в театре. Но дальше живого интереса и любопытства искусство в меня не проникало, скажем так: я воспринимал книжные и театральные сюжеты как информацию, глубоко в душу их не впуская.

На днях, когда смотрел по телевизору отрывки из спектакля «Холстомер», поставленного в театре Товстоногова, вспомнилось, как великий актёр Евгений Лебедев круто изменил моё восприятие искусства.

Было это в конце семидесятых в Ленинграде. Я смотрел того самого Холстомера в исполнении Лебедева в БДТ. Вначале всё шло как обычно, пока не поймал себя на чувстве удивления: передо мною была ЛОШАДЬ, выхолощенный людьми и жизнью пегий Холстомер, а не человек, её изображающий. И я, не склонный к особым сантиментам, разделял всей душой лошадиные беды и страдания, как и редкие счастливые моменты, выпадавшие на лошадиную долю. Я настолько был погружён в события, что лишь изредка отвлекался на удивление: как же это может быть, я вижу лошадь, живую, настоящую, совершенно забывая, что передо мной просто талантливый актёр.

В конце спектакля к исполнителю роли Холстомера подвели старую актрису, к сожалению, я забыл её имя. Она, несмотря на свои очень преклонные годы, думаю, что ей было около девяноста, встала на одно колено и склонила голову перед Евгением Лебедевым. Тогда ещё я подумал, что ей, наверное, понятнее, чем мне только что произошедшее на сцене чудо. Тогда я отнёс это её глубокое видение к профессиональным знаниям и чутью.

Сейчас вспомнил это событие из прошлых лет с ещё большим пониманием и более глубокими душевными ощущениями. Ведь сегодня я смотрю на мир глазами старого Холстомера, и к ощущениям трепета перед искусством, которое я почувствовал тогда, примешивается и моя личная тоска по ушедшей молодости. Мне, как и постаревшему лихому гусару Никите Серпуховскому, недолгий срок бывшему хозяином Холстомера, которого тоже великолепно играл тогда Олег Басилашвили, хочется вести разговор о своём прошлом, когда был красив, удачлив и счастлив. Самый счастливый отрезок жизни Холстомер провёл именно у Серпуховского. Но лихой гусар, не ценя беззаветную лошадиную преданность, в погоне за неверной любовницей загнал коня, превратив его в большую клячу. С этого дня и начались все беды Холстомера.

Поистине, велика сила искусства, заставляющая через годы трепетать наши души. Особенно, когда совпадают великое произведение великого писателя, знатока человеческих душ Льва Толстого, великолепная постановка в хорошем театре и нечеловеческая игра (да и игра ли это? человек просто на время стал лошадью) замечательного актёра.

«Холстомер» и задуматься заставляет: в чём суть жизни человеческой? От лошади, чья судьба была исковеркана людьми, остались хоть кости, которые пошли в дело. А что же осталось от бравого поручика: парадный мундир и блестящие вычищенные сапоги? Да, ещё лишнее, ненужное затруднение для людей, убивавших его когда-то ходившее по свету, пившее и евшее тело в землю.

**Виктор Петров,
Конаково**

От редакции: «Холстомер» – один из ярчайших образцов короткой прозы мэтра русской литературы Льва Николаевича Толстого. Несмотря на небольшой объем, в целом работа над произведением заняла 23 года, с 1863 по 1886-й. «Холстомер» был опубликован с подзаголовком «История лошади» и является метафорическим рассказом старого мерина о своей нелегкой долгой жизни.

Рассказов в коллекции Толстого более шести десятков. В плеяду самых знаменитых входит «Холстомер», где повествование необычным образом ведется от лица лошади.

Продолжение, начало в номере 2 (47) 2015 г.

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

1997

(Любино – Торжок – Маслово)

2.02.

Я очень хорошо понимаю трагизм «двойников» Достоевского. Во мне (да и, наверное, в большей или меньшей степени, это есть в каждом) это тоже есть, может быть, не так сильно выражено, но есть; без трагизма, без явного выхода вовне, без «удара» по другим, с очень редкими вспышками – «не покорюсь вам». Чаще ухожу в сторону, любя и жалея людей, пытаюсь их щадить; хотя это получается и не всегда. Странно лишь одно: иногда любовь к людям, сострадание и это – «щадить» – бесят их и раздражают куда больше, чем ненависть или презрение. Так сами люди культивируют равнодушие к себе подобным. И с каждым годом это всё ярче и ярче проявляется. Отсюда – уже не вызывают ужаса горы трупов, разбросанных по России (да и в Торжке их немало); вокруг только любопытство к этому как к материалу для сплетен. Вегетарианский век продолжается – к мясу равнодушны. Неравнодушны к собственным фантазиям, и пойдут по рекам крови, чтобы материализовать вымыслы.

24.02 – 25.02

Были с Таней у Даниила и Юлии Бондаренко. Славные, интересные люди. Но странное сочетание вкуса, ума и истинной веры со вспышками ортодоксии. Такие люди могут быть либо мучениками, либо фанатиками (правда, одно другому не мешает), а они – торгуют.

30.03

Какие там политические и культурные проблемы, когда развязываются шнурки на ботинках! Завязываешь, стараешься, потеешь, надрываешься до посинения пальцев и искр в глазах, а они – заразы – через пять минут, бац, и развязались. И вот уже нет ни мыслей, ни планов, ни других забот, кроме как только о том, чтобы две этих гадины ненароком не развязались бы в самом неподходящем месте. Пардон: два этих чёрных гада.

Почти месяц (март) под Кассиопеей можно было видеть крупный метеор (болид). Раньше считалось, что его появление несёт людям болезни (и глад, и мор) и войны, словом, – несчастья. Что с собой принёс этот метеор? Однако самая крупная забастовка в России прошла в этот месяц – 27 марта. Да и в бывшем Союзе и сопредельных странах пахнет кровью и дымом.

Был на митинге на площади «9-е Января». Начался в 14³⁰. С утра – солнце, тепло. Потом стало захлаживать. Ветер пробирал до костей – результат неосторожной надежды на солнечное дополуденное тепло. Наверное, поэтому не было видно демократов: теплолюбивы потому. Куце – ЛДПР, жмутся друг к дружке в кожаных фуражечках. Во всеоружии стойкие – по традиции – коммунисты. Но очень уж красноречивы и очень обтекаемо лозунговы – тоже по традиции. Хотя многое из того, о чём они говорили, – правильно. Ну, ещё бы: всё это лежит на поверхности: и растущая нищета многих, и офигенно быстрое обогащение немногих за счёт многих, и разгул криминала.

Ну так делайте же, а не говорите. А пока в регионах коммунисты-чиновники ничем не отличаются в желании на халявку нагреть руки от демократов. Но от разговоров до дела – характер. А какой же здесь характер? – бесхребетность чиновников, ни за что не отвечающих. И пятьдесят лет назад они говорили, и сто, – а результат чувствуем на собственных шеях и в карманах: стукнешь по карману – не слышать, стукнешь по другому – не звенит.

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр. 6).

1.04.

Перечитываю письма А.В. Кольцова – сборник небольших очерков о том, как талантливая, Богом одарённая душа вырывалась из-под власти авторитетов, впитывая лучшее, строила самое себя. Но: чистосердечно-унизительные благодарности, – и за что? за свой дар? – если помогут – чем? – чем-либо снисходительно-чиновные «вельможи» от литературы (некоторые и по социальному положению тоже – вельможи); робкие, стеснительные оклики, попытки обратить на себя внимание, плохо скрываемая досада от холода и непонимания окружающих. Но от письма к письму – голос крепнет, просыпаясь, заявляет о себе достоинство поэта. Просыпается – поэт! И эта логика рождения человека и поэта – достоинство писем. Белинский в них – неинтересен. Как человек – он слишком схематичен, как, впрочем, и любой когда-либо созданный идол. Кольцов же, напротив, очень живой, всамделешний; кажется, протяни руку и ... дотронешься.

7.04.

Что я? Что было до меня? Что будет после? Простенькие вопросы?! Да, намозолившие глаза и слух, кажется, – у нас – с Радищева: Кто я? Что я? Куда я еду? Но я всегда почему-то чувствовал (и чувствую с каждым годом всё острее) свою брэнность, временность свою на Земле. И в то же время – уникальность, неповторимость своего мира. Прежде чем осознать реальное существование других, осознал себя: было какое-то время в раннем-раннем детстве, что разум и чувство – это то, чем наделён только я. Своеобразный детский эгоцентризм. И лишь значительно позднее понял, что это совсем не так. Разочарования, я помню, в этом «прозрении» не было, но что-то очень круто и в душе, и в жизни изменилось. Впрочем, кажется, что точно так же человечество долгое время обманывалось по поводу собственной уникальности во Вселенной; а пожалуй, всё ещё ошибается. Ведь вопрос: одиноки ли мы во Вселенной? – до сих пор звучит с телеэкрана от учёных мужей. Видимо, этот вопрос вообще свойствен детству, особенно раннему. Мы всё ещё «ранние дети» в мире.

Помню, в детстве у меня не было страха смерти (или перед смертью). Я боялся мелких, сиюминутных, физиологических болей, неудобств, хотя и они не подавляли меня: когда – в болезни – пошла, нет – забила – фонтанчиком кровь из носа запрокинутой круто назад головы, я, оправившись от неожиданности, с любопытством следил глазами за этим фонтанчиком и – изредка – за испуганными лицами мамы и бабушки, склонёнными ко мне; когда болел свинкой (или скарлатиной?) перед зеркалом пальцами исследовал с тем же любопытством место на горле и шее, где меньше всего бо-бо, и, найдя, удовлетворённо заматывал, в тайне от родителей развязанный, шерстяной платок и шёл в постель. Ещё раньше отчётливо помню подожжённый мною дом: из любопытства положил расчёску на стекло керосиновой лампы и ... яркая вспышка памяти: с потолка валятся обгорающие обои – я сижу то ли на табурете, то ли на скамейке, брат – внизу, под, – обои падают мне на голову, мне не страшно, я их стряхиваю на пол; не чувствуя боли (на руках и голове кожа серьёзно обгорела), наблюдаю, как заворожённый, за перебегающими красными язычками пламени – почему-то – совершенно не чувствую дыма. Как нас с братом из горящего дома вынесла бабушка – не помню. Но, кажется, мы сидели где-то возле бани на снегу; и я видел, как люди обливали водой и забрасывали крышу снегом, но это я уже помню смутно (отец с матерью утверждали, что этого не было; но и их самих там – тоже не было). Но страха – не было. Даже боли не помню. Совершенно не помню, как меня потом лечили. Видимо, для меня – ребёнка, это было не интересно.

И даже уже позднее страха перед небытием не было, как нет его и сейчас. Мне казалось (и кажется), что на бесконечной временной нити я просок отрезок, фрагмент среди многих фрагментов. Не мною всё начиналось, и не мною всё закончится. Словом, как я понимаю теперь, существовало во мне чувство какого-то вечного личного существования (тьфу на тавтологию), не зависимо от моей личной воли и моих желаний. Поэтому я очень хорошо понял платоновского Мастера (когда встретился с прозой Андрея Платонова) – отца Саши Дванова, – который утопился из любопытства: а что там, за гранью, разделяющей жизнь и смерть, и есть ли вообще эта грань.

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 6-7).

Но у меня, насколько я помню, не было и тяги к смерти. Жизнь меня – и тогда, и сейчас – удивительно сильно притягивала, не физиологически, а своею загадочностью, подарочностью. Сейчас, правда, любопытство поугасло, вернее, темперамент любопытства моего поутих. Иногда (почти цинично) кажется, что комедия перестала быть смешной и стало довольно утомительно её наблюдать: всё чаще и чаще повторяются старые, давно известные остроты и положения, комика перерастает в брюзжание и скуку. Жизнь для меня уже не нова, может быть – в основном – понятна (если не на уровне разума, то на уровне сердца) и ничего нового не преподнесёт. А рассматривать один и тот же многогранник с разных сторон – дело утомительное и, пожалуй, пустое.

Прежней, успокаивающей и всепримиряющей уверенности в бесконечности времени поубавилось, а порой и вовсе не бывает. А что, если человек не капелька в море, а случайно взбитый волной пузырёк воздуха: случайно появился и навсегда исчез. А вдруг и нет никакого времени, никаких отрезков-капелек? Хотя то, что у меня есть отец и мать, уверяет меня в обратном. А вдруг это самообман, желание ходить на четвереньках, – как в детстве, – ощущая твёрдую опору, без которой мир перевернётся и рухнет на пятую точку, без которой нам страшна бездна, пустота; вдруг красивая фраза – «цель жизни» – не более как пустой звук, мираж, который принимает за реальность лишь впервые попавший в пустыню. Летучий Голландец, на борту которого ни одной живой души – лишь призраки. А что если мы просто кому-то снямся? Наивно? Но когда он проснётся – нас не будет, мы исчезнем. Но ведь будет другая реальность, другая жизнь... и жизнь ли? Может быть, тоже – сон?

Но наша жизнь – мелочная, суетная, скотская – жизнь? Разве она – жизнь?

Но я не хочу вечности, если и там – то же самое.

23.04.

Что-то совсем расклеился. Какая-то чёртова, почти хроническая усталость. Всё требует напряжения, и постоянно хочется спать. Будто что-то во мне поломалось и срочно требует починки, хотя бы кратковременного отдыха. Быть может, я болен? Надо сходить к врачу, но нет температуры. А чувствовать во взгляде врача: не холящик ли ты, Юра? – новый неуют.

А в сердце – милые призраки.

30.04.

Чувство собственного существования зря, не впрок. Осколочность жизни: калейдоскоп увлечений и привычек, сменяющих друг друга – и ничего стабильного, постоянного; калейдоскоп впечатлений и мыслей, так недалёких от «нравится – не нравится».

Электрическая лампочка портит зрение. Так стоит ли её тогда зажигать?!

КАК БЫТЬ ГОТОВЫМ?

Человек! Он рождается и умирает. Богатые, бедные, глупые, умные, красивые и не очень, здоровые и больные, все рождаются и умирают.

Все мы это знаем, думаем об этом, о смерти реже, пока она не замаячит на горизонте твоих близких или родных.

Рождение! Такая радость! Но тоже в муках, которые, правда, быстро забываются. Появляется на свет новый человек. Какая радость! Какой прилив новых сил, планов, мечтаний, фантазий.

Но смерть. Какая она страшная. Я хочу говорить о смерти естественной, которая наступает от того, что человек состарился. Это может произойти внезапно, легко, если уместно здесь такое выражение. Но бывает по-другому. Человек старый, немощный идет к своему финалу медленно, тяжело, в муках, страдает сам, доставляет много страданий близким и родным. Ничем помочь в этой ситуации невозможно. Ты смотришь изо дня в день, как человек теряет силы, разум, а сердце бьется, он уже ничего не может делать самостоятельно. Ничего. Его нельзя одного оставлять дома. Порой это растягивается на годы. К этому надо быть готовым, подумала я, когда сама попала в такую ситуацию, и поняла, что готова плохо. А как быть готовым?

Светлана Копырюлина,
Смоленск - Андреаполь

• Старые знакомые
Сергей Венков,

Тверь – Андреаполь
Стихи Сергея

представлены в самом первом сборнике андреапольских поэтов. С тех пор у нас не было с ним связи, но благодаря

«Одноклассникам» она снова восстановилась. Представляем его стихи. Многие из них

написаны как слова для песен, которые он исполняет, аккомпанируя себе на гармошке.

МОЛИТВА

Помоги мне, Боже,
Помоги мне, Святой,
Помоги, Иисусе,
На кресте распятый,
Научи молиться,
Говорить и слушать,
Научи стыдиться,
Что б краснели уши.
Дай мне разум, Боже,
Научи владеть им...
Ярость, гнев – не гоже,
Ведь страдают дети.
Господи наш Отче,
Там с небес виднее
Тех, кто сделать хочет
То, что не умеет...
Дай возможность, Боже,
Сотворить благое
И здоровья тоже,
Мира и покоя.
Возмести потери,
Что рождёны ленью –
Я в грехах и скверне
Каюсь на коленях.

ПОПЕЙ РОСЫ

Напившись свежей утренней росы,
Сверкавшей в первых солнечных лучах,
Я жажду утолю и буду сыт,
Забуду о заботах и делах.
Я тихо к небу руки подниму
И крикну: "Здравствуй, солнышко моё!".
И расскажу я солнцу своему,
Как тихо в травах утро настаёт...
Я пью росу с травы и из цветов,
Она немного мёдом отдаёт,
Лишаюсь я в минуту сладких снов,
Как только в травах утро настаёт...

И ты росы отведай из цветка,
Почувствуй вкус природы, дар земли,
Мелодию услышь из далека,
Что очень тихо травы завели...

Попей росы, пускай душа поёт
Журчащим тихо в травах ручейком,
Росу ведь по утрам и солнце пьёт
И согревает ласково потом.

ДЕВЧОНКА - СТРЕКОЗА

Знакомое лицо. Знакомые глаза.
Знакомая походка и причёска.
Тебя я не забыл, девчонка-стрекоза,
А если понежней сказать – стрекозка.
Не веришь ты в любовь, а веришь в чудеса,
Во что-то, непременно, верить надо...
Как вдаль тебя манят, синяя, небеса,
Ты оторваться от земли была бы рада...
Насыпала зима снежинок на ладонь,
Они лежат, на солнышке сверкая,
Ты знаешь, стрекоза, в твоих руках огонь,
Но почему снежинки в них не тают?
Снежинка на твою ладошку упадёт
И, на горячей, долго не растает.
И глядя на тебя, случайный пешеход
Маршрут свой ненадолго забывает.

СЛУЧАЙНОЕ СВИДАНИЕ

Смоет августовский дождь все желания,
Убегут ручьём слова твои милые,
Ты мне скажешь лишь "пока" на прощание,
Опустив глаза, зажав губы стылые.
А в ответ мне ничего не останется,
Лишь рукой слегка махну в твою сторону.
Что поделать, всё когда-то кончается,
Грусть с весельем как-то делятся поровну.
Ты уедешь, но надолго останется
О тебе, родная, воспоминание:
То случайное ночное свиданьице,
А точнее скажем, как бы "свидание".
Ты, приятный мой котёнок, приснилась мне.
Как же мне на самом деле не хочется
Дождаться лишь во сне такой милости,
Остаётся с боку на бок ворочаться.
Не на шутку стали ночи прохладные,
А луна погреться в дом так и просится.
Где они, твои глаза ненаглядные,
Кто бы знал, как заглянуть мне в них хочется.

- Удивить умеешь, осень
Владимир Юринов
НАДВЕДЁРНОЕ
Осень. Пусто и глухо,
холода на дворе.
Одинокая муха
утопилась в ведре.

Пётр Бобунов

* * *

Раскатан в небе войлок – это осень –
Повсюду плесень запотевшего стекла,
А мне б тепла недельку – кровь из носа –
Закончить свои дачные дела,
Что не успел и тянут, как вериги,
По щиколотки в гряды огорода...
Сейчас бы млеть у печки с толстой книгой,
Позёвывая праздно на погоду.

Но нет – лопата, морозящий дождь
И пальцы, засиневшие до хруста.
Последний дачник выряжен, как бомж:
Большая разноцветная капуста.

Маргарита Петрова

* * *

Огородиков горбушки,
как ломти ржаного хлеба,
солнце мёдом льётся с неба –
ох, и знатная пирушка!

Кое-где на огородах
ярко, выпукло, зернисто
возлежат цветные листья,
как икра на бутербродах.

Удивить умеешь, осень,
на последней распродаже.
Чем я старше, тем ты краше,
тем ветра сладкоголосей.

Так потешь пока, до бури,
листьев праздничных дождями,
цветом, шёпотом, груздями,
птичьим клином по лазури.

Игорь Столяров

* * *

По-над озером свежо,
Птицы льют рулады.
Я к водице подошел,
Ежась от прохлады.

Солнце жмурит хитрый глаз
И роняет косо
В умывальный синий таз
Огневицы-косы.
Шмель ворчит, что я проспал:
С ночи до рассвета
Кто-то щедрый рассыпал
Бусы да монеты,
Но собрал под утро медь
С неба месяц тонок...
Я стараюсь потеплеть,
Чтоб верней запечатлеть
Этот миг спросонок.

Иван Курничёв

Серой ряби полоса
На стекле воды.
Потемнели небеса –
Смоет дождь следы,

Что оставил на песке,
Берегом пройдя...
В мире все на волоске –
Только до дождя.

Быстро смоятся дождем
Тщетные труды,
Чтобы кто-то мог потом
Оставлять следы.

Наталья Шабанова

В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ

Продрог ноябрь у ворот, совсем заждался
Свою подружку – хладнокровную зиму.
Он робко слёзы вытирал и ухмылялся,
Бросая взгляды на застывшую луну.

Дрожала изморозь, и в свете фонарей
Казалась роем сгрудившихся пчёл.
Гуляка ветер у чужих дверей
Ночным прохожим все псалмы прочёл.

Мерцали звёзды блеском синих глаз
И отражались в лужах, чуть приметно.
Устала осень, ей хотелось в раз
Печали все оставить безответно.

Зима в пути. Ноябрь, чуть дыша,
Ещё горит костром рябины красной.
Он зиму ждёт, и теплится душа
В его дождях и сумраке ненастном!

• Каблуковцы

Маргарита

Жила-была в деревне бабка. Одинокая, а из хозяйства-то у неё остался только петух Борис. Последние две курочки умерли под конец зимы.

Надо заметить, что бабка давала своим курам имена. Были у неё и Зинаида, и Тамара, и Раюшка... «Куры – как люди, – говорила бабка, – у них такие же характеры, судьбы. Вот почему я вон ту хроменькую курочку назвала Ефимовной? А потому, что была у нас на работе баба Ефимовна. Проныра такая, жуть. Везде сунется. Так и переломило ей где-то ногу. А моя Ефимовна всё лезла под лопату. Я землю копаю, а она лезет. Я уж и так, и эдак. Но всё равно, ногу ей сломала».

Так бабка с Борисом дотянули до весны. А в апреле Борис привёл во двор невесту – соседскую серую курочку. Курочка и прижилась.

Пошла бабка к соседке и говорит: так мол и так, ваша курочка осталась жить у нас, продай её мне. Соседка и согласилась.

– А как ты её звала? – спросила бабка соседку.

– Дык как? – пожала плечами соседка. – Курица и есть курица.

Бабка вернулась домой, зашла в курятник и сказала курочке:

– А назову-ка я тебя Маргаритой! Уж больно это имя тебе подходит.

Не долго длилось семейное счастье у Бориса и Маргариты. Борис попал под мотоцикл.

– На тебе бабка пятьдесят рублей, – пришёл к ней Колька Рипей, – я твою петуха задавил.

Бабка деньги не взяла. Бориса похоронила в посадке. Поплакала. Думала, что Маргарита теперь уйдёт к прежней хозяйке. Но курочка ночевать осталась дома. Не ушла и на следующий день... И яички несла исправно.

Тем временем люди в деревне стали заводить цыплят. И один цыплёнок забрёл во двор к бабке. «Оставлю его себе, – решила бабка, – не идти же по деревне и спрашивать «Чей цыплёнок?» – в каждом дворе хозяин объявится».

Вскоре цыплёнок подрос и превратился в петушка. А к осени он стал уже настоящим петухом. «Борисом назову, – решила бабка, – в честь погибшего петуха».

Бабка радовалась за Маргариту – молодой Борис чем не муж! Какой статный: трёхцветный хвост, гребешок кустом, хозяйственный, заботливый.

Но Маргарита особых чувств к Борису не испытывала и стала всё чаще и чаще пропадать. Бабка её видела то у соседей справа, то у соседей напротив.

Борис страшно переживал. Метался по двору, выбегал на улицу, кукарекал, звал Маргариту. Но та домой не спешила. И тогда Борис покорно ждал её у калитки по нескольку часов. Насытившись, Маргарита возвращалась. Завидев её, Борис мчался к ней и начинал ухаживать: пританцовывать, искать для неё червячка или зёрнышко. Но курочка не обращала на него никакого внимания и устало плелась в курятник. Иногда её провожал здоровенный рыжий петух. Тогда Борис вступал с ним в драку, но почти всегда был бит.

А однажды Маргарита так и не вернулась...

Борис ждал её несколько дней.

– Не придёт, наверное, наша Маргарита, – сказала бабка петуху.

Борис посмотрел бабке в глаза и простонал:

– Ко-ко-ко-ко-ко-ко-о-о.

– Да! Да, – поняла бабка Бориса, – плохая она. Плохая.

Бабка достала из кармана фуфайки горсть семечек и сыпнула петуху:

– Не горюй, Боря! Не горюй. Перезимуем как-нибудь и без Маргариты.

Игорь Квасов,
Дубна

- Хранится в памяти

НЕЛЬЗЯ ОБМАНУТЬ ДОВЕРИЕ

Сейчас, по прошествии более сорока лет после того, как мы впервые переступили порог 1 «Б» класса школы №1, прожив большую часть жизни, мы глубоко убеждены – многое в характере человека, то, что впоследствии влияет на дальнейшую жизнь, зависит от того, насколько ему повезло с первым учителем.

Первой нашей учительницей была Анастасия Ивановна Данилейко. Мы запомнили ее всегда очень спокойной, выдержанной. Она никогда не повышала голос на ученика, даже если для этого был повод. Мы пришли в первый класс, не умея ни читать, ни писать, мало кто из нас знал буквы, мы вертелись на уроках, шалили на переменах. Мы были обычными детьми, такие же первоклассники, как и в современных школах. С одним лишь отличием – в классе нас было 40 человек!

Сейчас это даже представить себе трудно. Как удавалось Анастасии Ивановне удерживать наше внимание? Как она успевала каждому объяснить материал? На наш взгляд, – это педагогический талант. Ответственность, верность данному слову, надежность, невозможность подвести друга – эти черты характера она хотела заложить в нас.

Вот характерный пример: идет урок чтения, мы отвечаем, всё как обычно. Анастасия Ивановна обращается ко всему классу: «Мне необходимо отлучиться в аптеку, я вернусь через двадцать минут. Вы, пожалуйста, меня не подведите, сидите тихо, читайте, приду – повторим. Давайте договоримся, что в классе будет так тихо, что можно будет услышать, «как пролетит муха». И не было ни одного раза, чтобы мы ее подвели. Мы знали, что нам доверяют, с нами разговаривают как со взрослыми, поэтому мы должны оправдать доверие.

Мы никогда не были паиньками, мы были обычные третьеклассники, но в те моменты все учителя начальной (зелёной) школы подходили к двери нашего класса, прислушивались и удивлялись: в классе было тихо, шёл урок, можно было услышать «как пролетит муха».

Как мы гордились, когда директор школы отмечала это качество нашего класса – ответственность. Сейчас, уже невозможно сказать – был ли это педагогический прием или просто житейская ситуация, но то, что нельзя обмануть доверие человека мы усвоили на всю жизнь.

Выпускники 1980-го года

- Непридуманнные истории

САМОСУД

Этот день в феврале выдался очень ветреным. Снег падал не переставая, заметая дороги. Ученики, как обычно, возвращались из школы домой, они привыкли в любую погоду отмахивать несколько километров пешком. В те далекие шестидесятые годы ни о каком подвозе учащихся не могло быть и речи. В Сычевской школе занимались ребяташки из разных деревень. Ходили они обычно гурьбой, но не всегда.

Однажды Света из Кузьмина не пришла из школы домой в свое Амбросово. Встревожились родители и учителя. Оказывается, по дороге, присев на пенек отдохнуть, она уснула. А потом ее замело снегом, и она умерла от переохлаждения. Ее нашли братья.

Директора этой школы вызвали в райком партии и устроили ему, как говорили в народе, разнос, самую настоящую взбучку.

– Как ты посмел одну девочку отправить в метель из школы домой? У тебя же есть рабочие, они могли бы проводить ученицу до Амбросова. У девочки есть и классный руководитель, обязанный по долгу службы следить за ребятами. А если уж некому, сам бы отвел Свету домой.

На директора в тот момент было страшно смотреть. Чувствовалось, что он переживает огромный стресс. Неоднажды дети в метель ходили одни домой в других школах, но ничего не случилось. А здесь такое. Просто не повезло.

Домой в свое Сычево руководитель педагогического коллектива возвращался один. Родные сразу заметили, что он чем-то удручен. Никому ничего не сказав, он повесился.

Галина Ермолаева

Владимир Юринов

На картах не значится

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Когда перчатка сдувалась и опадала, процесс созревания бражки считался законченным, а продукт – готовым к употреблению. В народе эти вздетые к небу резиновые руки получили едкое название: «Привет Горбачёву!».

Таким образом, женщины свою проблему решили. Ну, а у нас, мужиков, собственно, никаких проблем и не возникало – мы как пили «массандру», так и продолжали её пить.

Вот я и произнёс это сакраментальное слово: «массандра».

Как вы уже, наверное, догадываетесь, к известному крымскому вину она никакого отношения не имеет. «Массандра» – это собирательное название спиртосодержащих жидкостей, используемых в авиации. Синонимами «массандры» являются: «шило», «шпага», «султыга», «шлема», «чемергес» и множество других терминов, варьирующихся по родам авиации и типам самолётов.

Наша «массандра» представляла собой 50-процентный спиртовой раствор, использовавшийся в системе охлаждения блоков бортового радиолокационного прицела. К сожалению, слитая из системы после применения по назначению, жидкость приобретала мерзкий, ничем не истребимый, резиновый привкус. По этой причине «массандра» подразделялась на два сорта: на не использовавшийся в работе «чистяк» и на слитый из системы «шмурдяк».

«Чистяк» был на особом учёте. Граница строгой отчётности за него между представителями батальона обеспечения и техническим составом полка пролегла на этапе предполётной заправки самолёта (из специальной машины – «массандровоза») и закреплялась подписями в соответствующей документации обеих сторон, а потому законного способа «утечки» «чистяка» практически не существовало. Всё, что удавалось кому-то где-то добыть, достигалось исключительно путём преступного сговора и подразумевало под собой ту или иную статью административного или даже уголовного кодекса. Поэтому «чистяк» ценился на вес золота и расходовался по гарнизону исключительно «шлёпотом».

«Шмурдяк», наоборот, был легкодоступен и дешёв. Перед каждой лётной сменой положено было полностью заправить систему охлаждения прицела самолёта «массандрой». Что, разумеется, строго и неукоснительно соблюдалось. Но расходовалась жидкость только при работающем прицеле. (Хотя система охлаждения была замкнутой, но определённый расход жидкости – прямо пропорциональный времени работы прицела – предусматривался). И вот тут начинались нюансы. «Руководством по лётной эксплуатации самолёта» предписывалось включать радиолокационный прицел сразу же после запуска двигателя, чтобы к моменту взлёта самолёта прицел был прогрет и боеготов. И, согласно отчётной документации, так оно всё и происходило. Судя по этой самой документации, прицелы на всех самолётах полка включались не только при полётах по кругу (типа: «взлёт-посадка»), но и даже во время наземных газовок двигателя. На самом же деле всё, конечно, было совсем не так.

Дабы не расходовать зря драгоценную жидкость, лётчики включали прицел исключительно при полёте на перехват воздушной цели и то – лишь за несколько минут до начала наведения на цель. Особым шиком у нас считалось совпадение момента загорания зелёного табло «Прицел готов» с переходом самолёта в атаку. Правда, тут можно было и купиться. Бывало, что «обзвешники» – офицеры боевого управления – начинали процесс наведения чуть раньше обычного или перенацеливали перехватчика на другую, более близкую, цель, и тогда лётчику приходилось «висеть» на боевом курсе с неработающим прицелом и, потев и кусая локти, считать секунды и ждать: успеет или не успеет включиться прицел до дальности, с которой ещё возможен зачётный пуск ракет. Упустить цель, пусть даже и учебную, из-за невключённого прицела было, во-первых, позорно, а во-вторых, попахивало – и это в лучшем случае! – публичной выволочкой со строгим выговором от командира, в придачу.

По окончании лётной смены техник самолёта, подбив хронометраж, скрупулёзно подсчитывал допустимо возможное количество «массандры», которую можно было с самолёта «испарить». Что тут же оперативно и проделывалось методом отворачивания заглушки с соответствующего штуцера специальным «массандрическим ключом». После чего начиналась «раздача слонов»: часть «массандры» через начальника ТЭЧ звена уходила наверх – инженеру эскадрильи и далее – инженеру полка; часть полагалось отдать

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

радиоэлектронщикам, в чьём ведении находились прицелы; кое-что – обычно, стандартная армейская фляжка – 750 мл. – причиталось и летавшему на данном самолёте лётчику. Естественно, чем больше летал самолёт – тем больший с него был выход «массандры». Поэтому технический состав болел душой за каждый полёт и буквально не щадил живота своего, дабы как можно скорее подготовить самолёт к очередному вылету и, тем паче, устранить вдруг возникшую неполадку и ввести закапризничавший «борт» в строй.

Таким образом, за лётную неделю у каждого лётчика «набегало» два-три литра пятидесятиградусного «шмурдяка». Конечно, при желании из техсостава можно было бы «надоить» и гораздо больше, но лётчики этим обычно не занимались – с лихвой хватало и так.

Но пить «шмурдяк» в чистом виде можно было разве что с очень сильного перепугу. Мало того что он при употреблении оставлял отвратительный привкус во рту, так ещё и потом, на протяжении минимум суток, человек, выпивший даже пятьдесят грамм «шмурдяка», мучился тошнотворной «резинотехнической» отрыжкой.

Разумеется, «шмурдяк» пытались очищать. Для этого существовало несколько более или менее сложных методик. Одну, наиболее распространённую, я сейчас здесь приведу.

Очистка проводилась в три этапа.

На первом этапе «шмурдяк» наливался в стеклянную банку, куда бросалась щепотка марганцовки. Жидкость перемешивалась до однородного розового цвета и оставлялась в тёмном месте на несколько суток. За это время происходила некая химическая реакция (о сути которой мы, за неимением специального химического образования, не имели никакого понятия) и на дно банки выпадал осадок в виде неопределённых рыжих лохмотьев. Очистившуюся жидкость аккуратно – дабы не зацепить осадок – сливали в другую ёмкость.

На втором этапе «шмурдяк» вываривали. Для этого он наливался в широкую плоскую кастрюлю с крышкой и доводился на плите до кипения. После закипания жидкости крышку с кастрюли резко снимали, выпуская пар. Процесс повторяли два-три раза.

Третий этап был фильтрацией: «шмурдяк» пропускали через противогазную коробку или через фильтр из нескольких слоёв таблеток активированного угля, купленных в аптеке.

На этом процесс очистки считался законченным.

Конечно, определённый результат эти манипуляции приносили, но всё равно «шмурдяк» оставался «шмурдяком» и «резинотехнический» привкус у него сохранялся, хотя и в сильно ослабленном виде. Тем не менее это уже был вполне приемлемый продукт, и с ним уже можно было иметь дело.

Обычно далее переходили к процессу облагораживания напитка. Его превращали в разнообразные ликёры и настойки, при необходимости разбавляя до необходимой консистенции. Остающийся привкус маскировался различными имеющимися в хозяйстве сильнопахнущими ингредиентами – молотым кофе, ванилью, грейпфрутовыми или мандариновыми корочками и даже обычной «лаврушкой».

После чего получившийся напиток уже можно было вполне безболезненно пить.

Кроме того, «шмурдяк» всегда можно было обменять на «чистяк». Внутри гарнизона такие обмены обычно проводились в пропорции 5:1.

Имелся в гарнизоне и спирт-ректификат, применявшийся на аэродроме для протирки электронных разъемов и оптических элементов тепловых ракет, и расходившийся небольшим литражом от радиоэлектронщиков и вооруженников.

Поскольку в свете провозглашённого антиалкогольного курса любые банкеты или иные мероприятия с употреблением спиртного во всех без исключения организациях были высочайше и категорически запрещены, наши праздничные застолья в тот период выглядели крайне любопытно. Банкеты впредь официально именовались «чаепитиями» или «безалкогольными вечерами отдыха», а на столах, вместо обычных винно-водочных бутылок, в изобилии стояли разнообразные и разнокалиберные сосуды: графинчики, лафитнички, чайнички и чуть ли не супницы, наполненные жидкостями всех мыслимых цветов и оттенков. Каждая семья обычно приносила к столу свои «фирменные», выполненные по уникальным рецептам, напитки. Стояли на столе и обязательно непрозрачные сосуды с прозрачным, как слеза, «чистяком». «Женщины пьют красное, мужчины – белое!» – провозглашал обычно тамада перед первым тостом, обозначая таким образом разницу в градусе. Впрочем, это ещё ничего не гарантировало – можно было и из «цветного» сосуда запросто хватануть пятидесятиградусной.

В этой связи мне вспоминается наша знаменитая орловская «комсомольская» свадьба, случившаяся знойным летом 86-го.

В самый разгар антиалкогольной кампании, когда в борьбу за трезвость активно включились все, начиная от партийных организаций и заканчивая ЖЭКаами, одному нашему лётчику, а именно Грише Шупикову,

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 13-14).

приспичило жениться. Невеста его тоже была «из наших» – свояченица лётчика нашего выпуска, тоже летающего в Орловке. Собственно, молодые и познакомились, когда будущая невеста приехала в Орловку навестить свою сестру. Гриша оказался в нужное время в нужном месте, взгляды молодых людей встретились, проскочила искра, вспыхнула нешуточная любовь. Через три дня (истребитель есть истребитель!) на стол командиру лёг рапорт по поводу женитьбы.

Командир поначалу воспринял Гришину идею без приязни. Ещё бы! Молодому лётчику надлежит думать о полётах, о том, как побыстрее двигаться по программе, а не об... «этом самом»! Но вскоре чудесным образом сменил гнев на милость. Дело было в том, что орловский полк, в силу ряда объективных и субъективных причин, никогда в морально-политическом отношении не выделялся в лучшую сторону. Скорее уж, наоборот. А тут возник шанс резко поправить положение. С подачи ЦК ВЛКСМ в тот период по стране прокатилась волна так называемых «комсомольских», то есть безалкогольных, свадеб. Об этих свадьбах писала центральная пресса, о них снимало документальные фильмы центральное телевидение, их ставили в пример как образец нового – перестроенного! – «мышления», их называли первыми ростками будущего – коммунистического! – образа жизни. И наш полковник Бабич загорелся идеей провести в гарнизоне такую свадьбу. Подобное мероприятие, как считал командир, резко повысит морально-политический рейтинг орловского гарнизона, приподнимет его в глазах вышестоящего командования и обеспечит ему, гарнизону, нешуточный прорыв в лидеры социалистического соревнования со всеми вытекающими для него, командира, бонусами и дивидендами.

Несмотря на то что Гриша сразу же сказал: «нет!», командир начал активно действовать. Он «поставил на уши» серышевский райком комсомола и затребовал оттуда специалистов по безалкогольным свадьбам. Он известил благовещенское телевидение и ряд благовещенских газет, а также редакцию окружной хабаровской газеты «Суворовский натиск» о грядущем неординарном событии. Он пригласил на свадьбу от лица жениха всё командование дивизии, армии и ВВС округа. Параллельно командир приступил к обхаживанию Гриши. В ход пошло всё – от всяких «вкусных» посулов до грубого шантажа и откровенных угроз. Гриша был твёрд, как лопатка авиационной турбины. Играть «сухую» свадьбу ему казалось верхом цинизма и предательством по отношению к своим боевым товарищам. Товарищи, безусловно, его категорически поддерживали.

Не добившись взаимности от жениха, Бабич взялся за обработку невесты, а когда у него и там ничего не выгорело – принялся за родителей молодых, приехавших через всю страну на свадьбу своих повзрослевших детей. Сулил он золотые горы: начиная от красной ковровой дорожки от КПШ – по всей «стометровке»! – до здания ГДО, и заканчивая проходом звена истребителей над ЗАГСом в момент окончания церемонии бракосочетания. Родители поначалу на посулы командира клюнули, но столкнувшись с непримиримой позицией молодых, дали задний ход и тоже ответили: «нет!» – мол, мы вас, товарищ командир, конечно, очень сильно уважаем, но... не по-людски всё это, не по-русски!..

«Ах, так!.. – сказал Бабич. – Тогда свадьбы вообще не будет!» И не дал под свадьбу ни одного помещения гарнизона – ни лётной столовой, ни актового зала ГДО, ни даже спортзала. Было это в четверг вечером. Бракосочетание было назначено на субботу.

«Подумаешь!.. – сказал Гриша. – Мы и в Серышево в ресторане неплохо погуляем». Однако сказал он это без особой уверенности, ибо понимал, что под подобные мероприятия рестораны, естественно, надо заказывать заранее.

И действительно, на завтра в ресторане Грише ответили, что, во-первых, зал у них уже давно выкуплен под банкет по поводу чьего-то там юбилея, а во-вторых, спиртное под свадьбы по нынешним временам надо заказывать за две-три недели до мероприятия. Молодые приуныли и уже склонялись к тому, чтобы тихо расписаться и посидеть дома у жениха узким кругом приближённых лиц, но тут...

Но тут свою передовую роль сыграл наконец комсомол.

В пятницу после обеда я через коммутатор дозвонился до первого секретаря серышевского райкома комсомола. Звали её Люба. Как секретарь бюро комсомола полка я уже не раз имел с ней дело и знал, что Люба – наш человек.

– Люба! – сказал я. – Выручай! У нас тут свадьба «горит»!

– Слышала я про вашу свадьбу, – вяло ответила на том конце провода Люба. – Ваш командир нам уже все внутренности с этой свадьбой вынул. Только он сегодня с утра отзвонился и сказал, что свадьбы не будет.

– Люба! – сказал я. – Свадьба будет! И я тебе больше скажу – свадьба будет НЕ «комсомольская»! Свадьба будет ЛЁТНАЯ!

– Да ну! – голос Любы сразу же приобрёл живость – она не первый год возглавляла комсомольскую организацию в районе, где было целых два больших военных аэродрома, и потому прекрасно знала, что такое лётная свадьба. – Так это ж – совсем другое дело! А то затеяли, понимаешь!.. Курам на смех! – голос её вновь изменился и стал деловым: – Что требуется от райкома?..

Я ей подробно объяснил, что требуется от райкома.

(продолжение следует).

• Устами младенца
ЗАЧЕМ?

– Мама, кем ты хотела быть? – спрашивает четырехлетняя дочь у мамы

– Кондитером. Мечтала печь большие торты, бисквиты, пирожные.

– Зачем? Чтобы быть толстым?

ГРАММА В РОТ НЕ БЕРИ

Хозяйка собирает на стол, чтобы отметить завершение посадки картофеля. Как и положено, ставит на стол водку.

– Дайте мне выпить, – говорит пятилетний малыш.

– Ни в коем случае! – возмущается отец. – Никогда даже граммa не бери в рот этого зелья!

– А зачем тогда вы пьете?

СУШИТСЯ

Однажды в студеную зимнюю пору хозяйка вернулась домой и, содрогаясь от холода, залезла на печку. Муж возвращается домой и спрашивает у дочери: «Где мама?» Она в ответ: «На печке». «Что она там делает?» «Сушится», – отвечает дочь.

Собрано Галиной Ермолаевой,
Андреаполь

НЕПОНЯТНАЯ ЗЯБКА

Бабушка-филологиня вернувшись с улицы в холодный осенний день, поёживаясь, сообщает:

– На улице зябко...

На что любопытная внучка, ученица начальных классов, тут же живо реагирует:

– А кто такая Зябка?

Подмечено Екатериной Локтевой,
Андреаполь – Москва

ЖЕНИХИ

Мама с дочкой идет с рынка. Девочка вся в обновках. Замечает двух беседующих мальчиков, стоящих на ступеньках магазина. И говорит: «Посмотрите, мальчишки глядят и показывают на меня пальцем. Это они решают, кто на мне жениться будет, когда вырастут».

ПОДАРКИ

На Новый год приехал брат и привез в подарок маленькой сестренке дорогой пуховик. Девочка довольная, оглядев себя в зеркале, произносит: «А подарки где?!».

Вспомнила Ирина Пушкина,
Андреаполь

• Весёлый конкурс:

«Отыщи свою траву»

Поэты – большие пересмешники, им палец в рот не клади: не успел один пошутить, другой тут же шутку подхватил и использовал, переиначив историю на свой манер. Вот вам пример: стихотворение М. Петровой из Андреаполя о траве сныть, которая, якобы, помогает выглядеть эстетично и сражать наповал объекты противоположного пола, у нелидовца П. Бобунова вызвало ответную реакцию. Он написал стихотворение о приворотном цветке цикория. Оба они уже напечатаны в «Светлячке».

И нам подумалось: а почему бы не организовать вокруг этих стихотворных шуток весёлый конкурс «Отыщи свою траву». На самом деле, сколько ситуаций можно себе вообразить по этому поводу!

Так что дерзайте, стихотворцы. Ждём ваших писем и интернетсообщений.

Игорь Столяров

* * *

Я, забыв о скуке-лени,
Стану резвым, как олень,
Если съем пучок корений
Под названием "одолень".

А начну взамен салата
Лопать эту дребедень –
Сочинять смогу, ребята,
По поэме каждый день.

Мне и слава, и деньжишки
В руки сами поплывут –
Ведь не зря еще кубышкой
Одолень-траву зовут.

Решено! Как вор, проворен,
По росе тайком бреду,
Вырываю чудо-корень
Возле леса на пруду.

С аппетитом нет проблемы –
Ем "хрустишку" прямо тут...
Только чувствую, поэмы
В сытых мыслях не растут.

Видно, в творческом процессе
Я – тюлень, а не олень:
Веки по три тонны весят...
Получилась ода "Лень"!